

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 3
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81.373.47

ББК 81-5+83.3

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-46-54>

ЭПИТЕТАЦИЯ РЕВНОСТИ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Сергей Анатольевич Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Самара, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена активным формированием когнитивно-семантического подхода к изучению идиостиля. Эпитетация трактуется в виде когнитивной операции переноса признака из другой концептуальной области, следствием чего является образование нового эпитетного комплекса с блендированным признаковым элементом. Предпринят анализ эпитетации одного из ключевых концептов творчества М. Цветаевой — «ревность». В результате проведенного исследования установлено, что в текстах М. Цветаевой ревность всегда присутствует как неотъемлемый элемент любовного чувства и связывается не только со страданием, но и ощущается как вечное начало. Показано, что логика эпитетации ревности имеет антропоцентрический характер олицетворяющего типа, в итоге признак распространяется на человека и природные объекты. Сделан вывод о полярности эпитетации ревности в идиостиле М. Цветаевой, а также о востребованности окказионального понимания реальности, существующего для ее творческого мышления.

Ключевые слова: эпитетация, Марина Цветаева, концепт «ревность», идиостиль, эпитетный комплекс, признак

Для цитирования: Губанов С. А. Эпитетация ревности в текстах М. Цветаевой // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 3. С. 46–54. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-46-54>

Original article

EPITHETATION OF THE CONCEPT “JEALOUSY” IN M. TSVETAeva’S TEXTS

Sergey A. Gubanov

Volga Region State University of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russian Federation

Abstract. The relevance of the research is due to the active formation of the cognitive-semantic approach to the study of idiostyle. Epithetation is interpreted as a cognitive operation of transferring an attribute from another conceptual area, which results in the formation of a new epithet complex with a blended attribute element. An analysis of the epithetation of one of the key concepts of M. Tsvetaeva's creation - the concept of “jealousy” is undertaken. As a result of the conducted research, it was found that in the M. Tsvetaeva's texts, jealousy is always present as an integral element of love and is associated not only with suffering, but is also felt as eternal substance. It shows that the logic of the epithetation

of jealousy has an anthropocentric character of the personifying type, as a result of which the attribute extends to both humans and natural objects. The polarity of the epithetation of jealousy in the M. Tsvetaeva's idiosyncrasy and the demand for an occasional understanding of reality are essential for her creative thinking.

Key words: *epithetation, Marina Tsvetaeva, concept "jealousy", individual style, epithet complex, attribute*

For citation: Gubanov, S. A. (2026). Epithetation of the concept "jealousy" in M. Tsvetaeva's texts. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 3, pp. 46-54. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-46-54>

Введение

Стремление современной лингвистики и лингвопоэтики к интегративному взгляду на лингвистические феномены, а также ориентация на когнитивное моделирование языковых процессов приводят к созданию обобщающих работ, в которых подводятся промежуточные итоги изучения того или иного явления. Так произошло и с эпитетом: от описания художественного эффекта, производимого данным тропом [Арнольд, 2002], лингвисты перешли к проблеме понимания сущности этого явления не только как тропа, но и как когнитивно-дискурсивного образования, способного отражать базовые ментальные операции [Булахова, Сковородников, 2017]. Установление принципов сочетаемости признаков языковых единиц всегда сопряжено с трудностями, поскольку в живом речевом процессе происходит постоянное смещение валентностных свойств прилагательных, что приводит к констатации активности метафорических и метонимических переносов признаков [Гращенков, Лютикова, 2018; Губанов, 2024]. Истоки переносной эпитетации заложены в самом языке (ср. *ревнивый взгляд* — взгляд ревнивого человека и характеристика этого взгляда), что часто уже не ощущается его носителями. Однако в рамках креативного дискурса подобная образность получает свое продолжение за счет расширения набора признаков, способных к переносу на другую концептуальную область. Данные процессы невозможно осмыслить и описать без опоры на когнитивную теорию эпитетации.

Актуальность изучения механизмов эпитетации связывается с необходимостью уяснения принципов метафорообразования признакового типа, характерного как для речевого узуса и практики словоупотребления признаковых слов в современном русском литературном языке, так и для идиостиля, в котором хорошо прослеживаются направления трансформации эпитетации.

Эмпирическим материалом для анализа эпитетации выступило творчество М. Цветаевой.

Гипотеза исследования — эпитетация представляет собой когнитивный процесс блендирования признаков двух категориальных зон, в результате чего формируется новый переносный образ объекта. В творчестве М. Цветаевой эпитетация разнонаправлена и непредсказуема в силу действия установки на отождествление «всего со всем».

Для проведения исследования привлечены методы лексикографического, лексико-семантического, компонентного, когнитивного анализа, а также сплошной выборки и статистического подсчета языковых фактов. С помощью сплошной выборки выявлено 25 эпитетных единиц, образующих эпитетные комплексы в сочетании с определяемым словом «ревность»; также рассматривался механизм эпитетации признаком «ревнивый» (20 контекстов употребления).

Исследование и результаты

Блендинговый характер эпитетации

Эпитетация носит блендинговый характер, на что указывается во многих исследованиях, посвященных переносным значениям языковых единиц [Симомян, 2001; Fausconnier, 1994]. Теория концептуальной интеграции утверждает, что переносное значение представляет собой наложение, или блендинг (аппликация, концептуальная интеграция) нескольких когнитивных сфер. Эпитетация как процесс наложения двух ментальных пространств и их признаков является эталонным примером такой интеграции. Т. А. Симомян указывает на блендирование смыслов эпитета и объекта эпитетации в составе эпитетного комплекса: взаимовлияние семантик двух сочетающихся имен может создавать различные виды пересечений (*blends, blendings*), т. е. прилагательное может характеризовать объект, референтом которого выступает сочетающееся с ним существительное целиком, а иногда характеристика, создаваемая адъективной единицей, может относиться лишь к какой-то части данного объекта [Симомян, 2001]. На наш взгляд, данная мысль нуждается в уточнении: справедливо было бы сказать, что концептуальная область адъективной единицы (эпитета) и концептуальная область субстантива (определяемого слова) пересекаются, накладываются друг на друга, вследствие чего рождается новый образ; механизм такого наложения может быть различным — как метафорическим, так и метонимическим.

Природа поэтического слова М. Цветаевой

В «Сводных тетрадах» М. Цветаева рассуждает о природе творчества и утверждает примат художественного слова, построенного на метафоричности: *«Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою, отождествись или отождестви. Всегда — иноскажи»* [Цветаева, 1997, с. 329]. Данная мысль важна для настоящего исследования, поскольку содержит творческую установку поэта на постоянное тотальное ассоциирование всего со всем. Во многом это объясняет ничем не ограниченную метафоричность языка поэта, стремление к словотворчеству, окказиональности как потребности выразить нужную мысль. В этом смысле М. Цветаева в большей степени поэт мысли, а не чувства, что звучит несколько неожиданно, однако, как показано во многих работах, ее формульность языка, философские обобщения насыщены глубоким осмыслением реальности, что, безусловно, не может не свидетельствовать о работе над языковым воплощением мысли.

Метафоричность слова М. Цветаевой изучали многие лингвисты, отмечая такую черту ее языка, как синкретичность, пограничность (например, слово теряет свою частеречную принадлежность, превращается в предложение и т. д.) [Кабанина, 2017; Крылов, Кучумова, 2020]. Синкретичность подробно описана Л. В. Зубовой, которая различает лексический синкретизм (совмещение в значении слова нескольких значений: прямого и переносного (интересно отметить анализ ею эпитета *лихой*, в значении которого сталкиваются смыслы «смелый» и «причиняющий вред»); архаического и современного (вновь эпитет *праведный* и *правый*); русского и иноязычного) и морфологический синкретизм. «„Предельность“ языка поэзии Цветаевой определяет повышенный интерес этого поэта к пограничным грамматическим явлениям: к формам, синкретичным по природе, например к аппозитивным сочетаниям, причастиям и деепричастиям, падежной полисемии, а также к формам, поддающимся грамматической трансформации, например субстантивированным

прилагательным, причастиям, наречиям, адвербиализованным предложениям и т. д.» [Зубова, 2017, с. 225].

Метафоричность языка поэта имеет свою специфику. О. Г. Ревзина, говоря о природе метафорического мышления М. Цветаевой, замечает, что ситуативные метафоры допускают ничем не ограничиваемое разнообразие образов и точек зрения (*тысячегрудая ... могила братская*), но и неситуативные метафоры «могут полагать в качестве конститутивного разные признаки» [Ревзина, 1999, с. 11]. Подобная неограниченность имеет, как было замечено, две модели. Одна предполагает, что признаки присущи объекту, пусть гипотетически, поэтому на основе метонимии или метафоры возможно актуализировать их и приписать объекту, моделируя временный образ. Другая же модель подразумевает принципиальное отсутствие в когнитивной матрице описываемого объекта данного признака, он вообще не свойствен ему, что порождает поэтические метаморфозы, или метафоры-загадки. «Цветаева использует уже проявленные возможности, представляемые русским языком для вербализации метафорического мышления ... а также создает и не использованные прежде структурные модели [Ревзина, 1999, с. 5]. Данные суждения подтверждают мысль о глубоких когнитивных основаниях метафорообразования в поэтическом сознании М. Цветаевой, которые необходимо учитывать при анализе ее текстов и выявлении закономерностей конструирования ею языковых единиц.

Концепт «ревность» в русском языковом сознании

Ревность относится к эмоциональным концептам и часто рассматривается в связке с концептами «любовь», «дружба», «ненависть», «страдание» и др. В «Словаре русского языка» ревность характеризуется как «1. Мучительное сомнение в чьей-л. верности, любви, в полной преданности, подозрение в привязанности, в большей любви к кому-л. другому ... 2. Зависть к успеху другого, нежелание делить что-л. с кем-л. ... 3. *обычно к чему. Устар.* Усердие, рвение» [URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>]. Прилагательное «ревнивый» также имеет несколько значений: «1. Склонный к ревности (в 1 знач.), одержимый ревностью. *Ревнивый муж* ... 2. Склонный к ревности (во 2 знач.), боящийся превосходства другого над собой ... 3. Болезненно относящийся к посягательствам на кого-, что-л., проявляющий особую заботу о неприкосновенности кого-, чего-л. ... 4. *к чему. Устар.* Проявляющий усердие, ревность (в 3 знач.); ревностный» [URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>].

Изучение ревности в языковом аспекте как концепта привело исследователей к мнению, что она выступает неременной спутницей любви и ассоциируется с порывом, томлением, волнением, печалью, мечтой. В русском языке ревность в любви представлена подтипом — угрюмым чувством, сопровождающимся печалью, досадой, ощущением гибели [Несветаилова, 2010].

Ревность является амбивалентной эмоцией, обладающей полярными семантическими признаками: это разрушающее чувство, однако без него нет любви, ревность — доказательство любви. По данным Национального корпуса русского языка, ревность ассоциируется с разрушительной стихией, огнем, она терзает, мучает, душит. Лидирующие позиции занимают такие эпитеты-коллокации, как *безрассудный, пастырский, жгучий, апостольский, неосновательный, пламенный, патологический, неустойчивый, неугасимый, неуместный* [URL: <https://ruscorpora.ru>].

«Словарь эпитетов русского литературного языка» фиксирует 41 эпитет со словом «ревность». Большинство из них — метафорические определения

антропоморфного типа: *безумная, жестокая, злая, несчастная, подозрительная, робкая, слепая* и др., а также зооморфного типа: *животная, зверская* и др. [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 368]. В языке заложена метафоричность восприятия чувства ревности на основе ее восприятия (*острая, жгучая, пламенная*), переживания ревности и наделения ее чертами человека (*злая, подозрительная*), а также сравнения с эталонными носителями ревности (*пастырская, апостольская, дьявольская*). Развитие линий метафоризации ревности происходит в художественном дискурсе.

Специфика эпитетации ревности в идиостиле М. Цветаевой.

Авторское понимание ревности

Творчество М. Цветаевой строится на противопоставлении лирического «я» и мира, других людей, поэтому ревность изначально заложена в качестве неотъемлемой черты восприятия иного мира. В текстах поэта происходит синкретичное совмещение нескольких значений слова «ревность»: сомнение и усердие (ревностность). «Архаичное значение слова *ревнивый* ‘усердный, ревностный’, выступающее на фоне разговорно-просторечной лексики и фразеологии, стилистически не контрастирует, а гармонирует с этим фоном как значение, отражающее на родное сознание» [Зубова, 2017, с. 214–215].

В прозе М. Цветаевой содержится много формульных размышлений относительно природы ревности: «*В ревности ведь элемент — признания соперника, хотя бы — права его на существование. Нельзя ревновать к тому, чего вообще не должно быть, к тому, которого вообще — нет ... В ревности есть элемент равенства: ревность есть равенство. Нельзя ревновать к заведомо низшему, соревноваться с заведомо слабейшим тебя, здесь уже ревность замещается презрением ... Ревность от высшего к низшему (Бетховена — к Иксу, Гёте — к Игреку, Пушкина — к Дантесу) не есть ревность лица к лицу, а лица — к стихии, т. е. к красоте, молодости, скажем вежливо — шарму, которые есть — стихия (слепая)*» [Цветаева, 1994, т. 4, с. 598].

Ревность для поэта не съедающее изнутри чувство, основанное на неуверенности в себе и другом человеке, это дар, ревность вообще — абстрактное чувство признания величия другого.

Особое место занимает стихотворение «Попытка ревности», написанное в виде диалога с любимым, который превращается в монолог, акцентирует семантику ревности как упрека, единственного жеста отчаяния, доведенного до высшей степени драматизма [Зейферт, 2022; Цветкова, 2002]. Исследователи отмечают непередаваемость интонации напряжения, которое доминирует в понимании ревности М. Цветаевой как отчаяния, возвеличивания другого, душевной разъятости [Карпухина, 2013; Мокшина, Радь, 2015; Цветкова, 2002].

Ревность как объект эпитетации

В поэзии М. Цветаевой слово «ревность» упоминается 28 раз [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, 2001, с. 131–132], в прозе — 85. Ревность находится в сердце человека, поэтому осмысливается по модели «вместилище»: «*Не шевельнулись в их сердцах // Ни удивление, ни ревность*» [Цветаева, 1994, т. 1, с. 57].

1. Ревность как первое чувство, ее первозданность, как вечное начало. Ревность молодого человека, первая ревность, пока еще традиционно зла и ассоциируется с ядом змеи, дьявольским началом, поэтому она локализуется в левой части груди, что выражается в эпитетах *первый* и *левый*. «*О первая*

ревность, о первый яд // Змеинный — под грудью левой!» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 20].

Ревность была и будет всегда, это вечное, врожденное чувство, сопровождающее любовь, поэтому она — атрибут высокой души (эпитетация ревности как высоты): «**Врожденная рана высоких душ, // О Зависть моя! О Ревность!»** [Цветаева, 1994, т. 2, с. 20].

В прозе подчеркивается неизбывность, вечность ревности, ее сильное воздействие средствами цепочки эпитетов олицетворяющего типа: «**И эта ревность, яростная и единственная на свете, неумолимая, ибо неизбывная, не сравнимая с той, „нормальной“, не сравнимая даже с материнской»** [Цветаева, 1994, т. 5, с. 485].

2. Ревность как болезнь: «**Черных прачешен кашель, // Вшивой ревности зуд»** [Цветаева, 1994, т. 2, с. 152].

3. Ревность как игла: «**Не наестся кровью // Ревности игла!»** [Цветаева, 1994, т. 3, с. 250]. Генитивная форма выражения признака подчеркивает метафорический перенос признака ревности на сходный объект.

Особое внимание привлекает множественное число слова — *ревности*, которое словно усиливает значимость чувства: «**Все древности, кроме: дай и мой, // Все ревности, кроме той, земной»** [Цветаева, 1994, т. 2, с. 119]. Ревность во множественном числе метонимически обозначает человека: «**Старшие ревности (собственности), старшие гордости»** [Цветаева, 1995, т. 6, с. 616].

Ревность как объект эпитетации предстает в виде первородного начала и уподобляется яду, болезни, игле.

Эпитет *ревнивый*. объекты эпитетации

Эпитет *ревнивый* в поэзии М. Цветаевой употребляется 14 раз, также используются *ревностнейший* (оказиональная форма превосходной степени; два случая), *ревностный*, *ревностней*, *ревнивее* и *ревниво* (по 1 употреблению каждый) [Словарь поэтического языка Марины Цветаевой, 2001, с. 130–131].

Эпитетация признаком *ревнивый* имеет следующие направления:

1. Антропоморфная метонимическая модель. Реализуется в виде когнитивного наложения признака, присущего человеку в целом (ревность), на его часть, выражающую в полной мере этот признак (например, глаза, рот): «**И, умиляясь на биенье век // И на ревнивые твои ресницы»** [Цветаева, 1994, т. 1, с. 320]; «**А пока твои глаза // — Черные — ревнивы»** [Цветаева, 1994, т. 1, с. 353]; «**Ревнивая длань, — твой праздник! // Прими огонь!»** [Цветаева, 1994, т. 3, с. 21].

2. Антропоморфная метафорическая модель построена на логике олицетворения природных объектов путем приписывания им признака ревности, в результате чего происходит блендирование признаков различных концептуальных сфер: «**Ревнивый ветер треплет шаль»** [Цветаева, 1994, т. 1, с. 366]; «**Льды к своим мертвецам ревнивы»** [Цветаева, 1994, т. 2, с. 201].

3. Зооморфная метафорическая модель эпитетации, единожды используемая для указания на характер ревности богов: «**Ревниво к прелести // Гнездо богов»** [Цветаева, 1994, т. 2, с. 30].

Сравнительная степень прилагательного имеет значение превосходной степени, что характерно для поэзии М. Цветаевой: «**Ждала тебя на подоконничке // — Ревнивее, чем враг — врага»** [Цветаева, 1994, т. 1, с. 559]. Признак *ревнивый* в данном случае используется в значении «усердно».

Превосходная форма *ревностнейший* употреблено в трагедии «Ариадна» для передачи особого рвения и преданности: «*Афродитою взята // Я в любимицы — владычиц // Сладостнейшею! В добычах — // Ревностнейшею!*» [Цветаева, 1994, т. 3, с. 605].

Заключение

Анализ эпитетации ревности в текстах М. Цветаевой приводит к следующим выводам. Понимание поэтом ревности имеет серьезные отличия от общезыкового понимания: для него ревность — признание равным себе другого, это душевное усердие, работа, направленная на познание мира другого человека. Ревность трактуется в качестве вечного, неотъемлемого начала, «первозмоции». Направления эпитетации ревности являются идиолектными и представляют собой расширение метонимизации за счет распространения признака *ревнивый* на части тела человека, а также метафоризацию ревности при эпитетации природных объектов. Основу подобных переносов составляет блендирование признаков и создание нового временного образа. Тенденция к ассоциативному сближению далеких объектов служит отражением когнитивной авторской установки на неограниченное отождествление реалий и их признаков.

Список источников

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с. EDN: SDQJVR.
- Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предупотребление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143. EDN: YUSMRD.
- Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 567 с. EDN: VXFDWP.
- Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. 2018. № 4. С. 9–33. EDN: YTRECL. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>
- Губанов С. А. Эпитетация любви в текстах М. Цветаевой // Неофилология. 2024. Т. 10, № 2. С. 326–333. EDN: FZQQEW. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-326-333>
- Зейферт Е. И. Доминанты поэтики (носители эмоционально-смысловой доминанты) стихотворения Марины Цветаевой «Попытка ревности» // Вестн. Московского гос. лингв. ун-та. Гуманит. науки. 2022. Вып. 4 (859). С. 126–133. EDN: ANZVZG. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_4_859_126
- Зубова Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой. СПб.: Геликон Плюс, 2017. 544 с. EDN: VGIATB.
- Кабанниа О. Л. Текстовые парадигмы антонимического типа как отражение поэтической картины мира М. И. Цветаевой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2017. № 3 (180). С. 126–131. EDN: XXQLCT. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-3-126-131>
- Карпухина Т. П. Опыт сопоставительного исследования переводов стихотворения М. Цветаевой «Попытка ревности» на английский // Вестн. Тихоокеанского гос. ун-та. 2013. № 3 (30). С. 229–240. EDN: RCLCFH.
- Крылов В. Н., Кучумова М. О. Метонимия в структуре прозы М. И. Цветаевой // Вестн. Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2020. № 68. С. 267–279. EDN: VOJJQV. <https://doi.org/10.17223/19986645/68/13>
- Мокшина С. Р., Радь Э. О. Лирическая героиня и ее соперницы в стихотворениях «С другими – в розовые груди...» и «Попытка ревности»: противостояние души и тела // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12, ч. 3. С. 168–170.
- Несветайлова И. В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 24 с. EDN: QGUOCL.

Ревзина О. Г. Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. Т. 3, кн. 1. С. 5–30.

Симолян Т. А. Семантика пространственных атрибутов в свете когнитивного подхода. Прилагательные с параметром высоты : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 184 с. EDN: NLWYXV.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2001. Т. 4, кн. 1. 672 с.

Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис-Лак, 1997. 640 с.

Цветаева М. И. Собр. соч. : в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994–1995.

Цветкова М. В. Две «попытки ревности»: сравнительный анализ стихотворений М. Цветаевой и Крейга Рейна // Филол. науки. Науч. доклады высшей школы. 2002. № 4. С. 105–112.

Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.

References

Arnold, I. V. (2002). *Stylistics. Modern English language*. Moscow, Flinta, Science, 384 p. (In Russian). EDN: SDQJVR.

Bulakhova, N. P. and Skovorodnikov, A. P. (2017). Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic). *Ecology of Language and Communicative Practice*, no. 2, pp. 122–143. (In Russian). EDN: YUSMRD.

Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva (2001): in 4 vols. Moscow, House-Museum of Marina Tsvetaeva, vol. 4, part 1, pp. 5–40. (In Russian).

Fauconnier, G. (1994). *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Cambridge University Press, 190 p.

Gorbachevich, K. S. and Hablo, E. P. (1979). *Dictionary of epithets of the Russian literary language*. Leningrad, Science, 567 p. (In Russian). EDN: VXFDP.

Grashchenkov, P. V. and Lyutikova, E. A. (2018). Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation. *Rhema*, no. 4, pp. 9–33. (In Russian). EDN: YTRECL. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>

Gubanov, S. A. (2024). Epithetization of love in M. Tsvetaeva's texts. *Neophilology*, vol. 10, no. 2, pp. 326–333. (In Russian). EDN: FZQQEW. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-326-333>

Kabanina, O. L. (2017). The textual paradigm of antonymy type as a reflection of the poetic picture of the world of the author. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 3, pp. 126–131. (In Russian). EDN: XXQLCT. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-3-126-131>

Karpukhina, T. P. (2013). The experience of a comparative study of the translations of the poem by M. Tsvetaeva “An Attempt of Jealousy” into English. *Bulletin of Pacific National University*, no. 3, pp. 229–240. (In Russian). EDN: RCLCFH.

Krylov, V. N. and Kuchumova, M. O. (2020). Metonymy in the structure of Marina Tsvetaeva's prose. *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 68, pp. 267–279. (In Russian). EDN: VOJJQV. <https://doi.org/10.17223/19986645/68/13>

Mokshina, S. R. and Radd, E. A. (2015). The lyrical heroine and her rivals in M. Tsvetaeva's poems “With others - in pink piles ...” and “An attempt at jealousy”: confrontation between soul and body. *Philology. Theory & Practice*, no. 12, part 3, pp. 168–170. (In Russian).

Nesvetailova, I. V. (2010). “Envy” and “jealousy” as emotional concepts of Russian and English linguacultures. Abstract of the PhD thesis. Volgograd, 24 p. (In Russian). EDN: QGUOCL.

Revzina, O. G. (1999). Metaphor in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva. *Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva*: in 4 vols. Moscow, House-Museum of Marina Tsvetaeva, vol. 3, part 1, pp. 5–30. (In Russian).

Seifert, E. I. (2022). Dominants of poetics (carriers of emotional and semantic dominant) poems by Marina Tsvetaeva “An attempt at jealousy”. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 4, pp. 126–133. (In Russian). EDN: AHZVZG. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_4_859_126

Simonyan, T. A. (2001). *Semantics of spatial attributes in light of the cognitive approach. Adjectives with the height parameter*. PhD thesis. Moscow, 184 p. (In Russian). EDN: NLWYXV.

Tsvetaeva, M. I. (1994-1995). *Collected works*: in 7 vols. Moscow, Ellis-Lak. (In Russian).

Tsvetaeva, M. I. (1997). *Unpublished. Summary notebooks*. Moscow, Ehllis-Lak, 640 p. (In Russian).

Tsvetkova, M. V. (2002). Two “attempts of jealousy”: comparative analysis of poems by M. Tsvetaeva and Craig Raine. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 4, pp. 105-112. (In Russian).

Zubova, L. V. (2017). *Poetic language of Marina Tsvetaeva*. St. Petersburg, Gelikon Plus, 544 p. (In Russian). EDN: VGIATB.

Сведения об авторе

Губанов Сергей Анатольевич — докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры филологии, gubanov5@rambler.ru

Information about the Author

Sergey A. Gubanov — Ph.D. in Philology, associate professor, professor of the Department of Philosophy, gubanov5@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.